

Научная статья

УДК 159.922

<https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.4>

Психологическое благополучие и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра в ситуации вынужденной миграции

Людмила А. Шайгерова¹ , Алексей М. Букиннич^{1,2,3*} ,
Александра Г. Долгих^{1,3} , Татьяна Т. Батышева^{1,2}

¹ ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и
междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация

² ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ», Москва,
Москва, Российская Федерация

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова», Москва, Российская Федерация

*Почта ответственного автора: aleksey.bukinich@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье проанализированы различные аспекты психологического благополучия и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра (РАС), вынужденно покинувших место постоянного проживания. **Методы.** В исследовании приняли участие матери детей с РАС – основная группа (N=18, средний возраст 39,9 лет), проживающая с детьми в пункте временного размещения (ПВР) и контрольная (N = 18, средний возраст 32,9 года). Использовались сокращенная *Шкала депрессии, тревожности и стресса* (Lovibond, Lovibond, 1995), *Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки* (Zimet et al., 1988), *Частота обращения за помощью к различным категориям* (Ушков и др., 2020), *Модифицированная методика «Семантический дифференциал»* (Молчанов, Алмазова, Поскрёбышева, 2023), *Шкала способов совладания*, *Однопунктовая оценка общей удовлетворенности жизнью*. **Результаты.** Вынужденные мигранты продемонстрировали меньшую удовлетворенность жизнью, более слабое восприятие поддержки со стороны друзей и в целом от разных источников, чаще готовы обратиться за помощью к

группам «вторичной поддержки», реже – к партнерам и друзьям по сравнению с контрольной группой. Между группами не выявлены различия по показателям депрессии, тревожности и стресса, но уровень депрессии и стресса значимо выше у обеих групп по сравнению с популяционными данными. Обнаружены различия во временной перспективе: вынужденные мигранты воспринимают мир в будущем менее сложным по сравнению с контрольной группой. **Обсуждение результатов.** Выявлены особенности психологического благополучия (повышенный уровень стресса и депрессии), обусловленные наличием детей с РАС, характерные для обеих групп, и различия между группами, определяемые ситуацией вынужденной миграции. Важными ресурсами для мигрантов могут выступить позитивный образ мира в будущем, готовность полагаться на поддержку со стороны семьи и группы «вторичной поддержки» и некоторые социо-демографические характеристики (наличие других детей, возраст). **Заключение.** Полученные результаты позволяют уделять особое внимание тем категориям вынужденных мигрантов, которые и ранее находились в группах риска, в том числе, матерям детей с особенностями психического развития.

Ключевые слова

матери детей с расстройством аутистического спектра, депрессия, стресс, тревожность, психологическое благополучие, социально-психологическая поддержка, стратегии совладания, восприятие привлекательности и сложности мира в разные периоды

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526)

Для цитирования

Шайгерова, Л.А., Букинич, А.М., Долгих, А.Г., Батышева, Т.Т. (2024). Психологическое благополучие и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра в ситуации вынужденной миграции. *Российский психологический журнал*, 21(3), 52–74. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.4>

Введение

Дети с расстройством аутистического спектра (РАС) сталкиваются с множеством проблем, связанных с коммуникацией, поведением, выражением и пониманием эмоций, самообслуживанием и доступом к различного рода услугам, включая медицинское обслуживание и получение образования (Crowell, Keluskar & Gorecki,

2019). Очевидно, что на близкое окружение таких детей ложится огромная нагрузка, связанная с воспитанием ребенка и обеспечением его потребностей на самых разных уровнях.

В проведенных в разных странах и культурах исследованиях выявлен сниженный уровень психологического благополучия у родителей детей с РАС, что проявляется в ощущении беспомощности, фрустрации, чувстве страха, тревожности и депрессии (Нестерова, Ковалевская, 2015; Padden & James, 2017; Russell et al., 2020; Efstratopoulou et al., 2022; Zovko, Šimleša, Olujić Tomazin, 2024), а также высоком уровне общего стресса (Pisula & Porebowicz-Dörsmann, 2017). Выявлено также, что и для сиблингов детей с РАС характерно повышение тревоги и фрустрации и ухудшение коммуникативных навыков (Гусева, 2017), что, в свою очередь, может сказаться на психологическом благополучии родителей. По сравнению с родителями нормально развивающихся детей, родители детей с РАС часто чувствуют себя в изоляции от окружающих и лишены полноценного общения, а также испытывают недостаток социально-психологической поддержки, которая позволяла бы им справляться с проблемами, отличающимися от проблем родителей нормально развивающихся детей (Karst & Van Hecke, 2012; Yesilkaya & Magallón-Neri, 2024).

Вне зависимости от пола родители детей с РАС испытывают более высокий уровень родительского стресса не только по сравнению с родителями нейротипичных детей, но и по сравнению с теми, чьи дети имеют другие отклонения в психическом развитии (Rodriguez et al., 2019). В исследовании Hou et al. (2018) показано, что более четверти матерей детей с РАС демонстрируют средние или тяжелые симптомы депрессии, тогда как среди матерей детей с другими задержками развития таких лишь 15,6%. В сравнительном качественном и количественном исследовании родительского стресса и стратегий совладания родителей детей с РАС и родителей детей с расстройствами внимания и проблемами обучения показано, что несмотря на сходные источники стресса и в целом повышенный его уровень в обеих группах, он все же выше у родителей детей с РАС, у которых к тому же выявлены проблемы со сном (Chad-Friedman et al., 2022).

Если у отцов уровень родительского стресса зависит от степени тяжести расстройства у ребенка, то матери детей-аутистов вне зависимости от тяжести заболевания ребенка в целом испытывают больший родительский стресс (Soltanifar et al., 2015), а также больше склонны к руминациям (Первушина и др., 2021) по сравнению с отцами. В тех редких исследованиях, где не выявлено значимо повышенного уровня стресса у матерей детей с РАС (например, в проведенном хорватскими учеными исследовании (Zovko, Šimleša, Olujić Tomazin, 2024), скорее всего это может быть связано с особенностями выборки. Например, конкретно в этом исследовании выявлено, что матери имеют достаточный уровень поддержки со стороны окружения, а также выявлены другие защитные факторы, которые помогают им справляться со стрессом.

С целью оказания адекватной психологической помощи и эффективной социальной поддержки детям с РАС и их окружению ведется активный поиск и изучение факторов, способствующих улучшению психологического состояния родителей, а также факторов риска, влияющих на их психологическое благополучие, в первую очередь, матерей. Особое внимание в исследованиях уделяется индивидуально-личностным характеристикам родителей, социо-демографическим факторам (возраст родителей и ребенка, пол, уровень образования, уровень дохода, семейное положение) (Rosenbrock et al., 2021; Samadi & McConkey, 2014), окружающей среде (наличие близких членов семьи, поддержка со стороны общества), тяжести и особенностям протекания заболевания у ребенка (Enea & Rusu, 2020).

В разных работах продемонстрирована неоднозначная связь различных аспектов психологического благополучия матерей детей с РАС с одними и теми же социо-демографическими характеристиками. Например, если речь идет об образовании, то в одних исследованиях показано, что у матерей с более высоким уровнем образования обнаруживается меньше симптомов депрессии (Dembo et al., 2023) и более низкий уровень стресса (Efstratopoulou et al., 2022), тогда как в других выявлено, что матери с более высоким уровнем образования демонстрируют меньшую способность к совладанию, в частности, у них более низкие оценки по шкале рефрейминга опросника F-COPES (Ntre et al., 2022). В том, что касается таких характеристик, как возраст матери и семейное положение, наблюдается большее сходство между результатами различных исследований: молодые матери более подвержены стрессу (Pakenham et al., 2005), у одиноких или разведенных матерей выявлен более высокий уровень стресса, депрессии и тревожности по сравнению с теми, у кого есть супруг или постоянный партнер (Russell et al., 2020). В то же время в некоторых работах не выявлено какой-либо связи основных социо-демографических характеристик (возраст матери, уровень образования, занятость и семейное положение) с уровнем родительского стресса (см. например, Zovko, Šimleša, Olujic Tomazin, 2024).

Отмечается, что одним из ключевых факторов, влияющих на различные аспекты психологического благополучия матерей детей-аутистов, выступают особенности социального окружения и отношений с другими людьми (см. например, Sim et al., 2018; Ludlow, Skelly & Rohleder, 2012). Широкий круг общения и в особенности его разнообразие создают благоприятные условия для поддержания их психического здоровья в долгосрочной перспективе (Dembo et al., 2023), а недостаток поддержки от друзей является предиктором более выраженного родительского стресса (Zovko, Šimleša & Olujic Tomazin, 2024). В качестве важнейшего источника поддержки, связанного с психологическим благополучием матерей детей с РАС, выступает неформальная социально-психологическая поддержка из различных источников (Efstratopoulou et al., 2022; Zovko, Šimleša & Olujic Tomazin, 2024), а преобладание женщин в их социальном окружении способствует снижению у них депрессии (Dembo et al., 2023).

В свою очередь, среди факторов риска, усугубляющих психологическое состояние матери ребенка с РАС, наиболее изучены тяжесть и специфика симптоматики расстройства ребенка и особенности взаимодействия матери с ребенком. Так, увеличение времени, ежедневно затраченного матерью на уход за ребенком и его лечение, снижает ее способность к переосмыслению ситуации (Ntre et al., 2022). Закономерно, что тяжесть симптоматики расстройства приводит к более высокому уровню родительского стресса (Enea & Rusu, 2020; Reed et al., 2017; Yesilkaya & Magallón-Neri, 2024), а ощущение невозможности оказать ребенку поддержку и неспособность установить с ним контакт приводит к эмоциональному истощению матери, вплоть до деперсонализации (Кузьмина, Кривошей, 2024). Несмотря на то, что тяжесть симптоматики и проблемное поведение ребенка в значительной степени выступают предикторами депрессии матери, эти связи становятся незначимыми, когда в рассмотрение добавляется степень удовлетворенности матери межличностными отношениями (Weitlauf et al., 2014), что вновь подчеркивает критическую роль взаимоотношений с социальным окружением в психологическом благополучии матери.

Особое место в исследованиях психологического благополучия родителей детей с РАС занимает изучение его связи с различными способами совладания. Показано, например, что низкая способность к переосмыслению приводит к повышению уровня родительского стресса (Ntre et al., 2022). Среди деструктивных копинг-стратегий выявлены нежелание заботиться о самих себе, вредные привычки, переедание или недоедание. Среди адаптивных копинг-стратегий родители детей с РАС указывают способность к самоорганизации, приятное времяпрепровождение, участие в практиках осознанности, а также поиск поддержки у родителей детей с похожими трудностями (Chad-Friedman et al., 2022; Picardi et al., 2018). Выявлены также и копинг-стратегии, которые характерны для конкретных социокультурных контекстов. Так, осуществленный китайскими исследователями систематический обзор опубликованных в Китае работ по данной проблематике показал, что родители детей с РАС, опирающиеся на философию конфуцианства и даосизма, менее подвержены родительскому стрессу (Ng et al., 2021).

Цель исследования

Настоящее исследование было направлено на то, чтобы: 1) сравнить различные аспекты психологического благополучия и имеющиеся ресурсы для совладания с негативным эмоциональным состоянием у матерей детей с РАС, находящихся в ситуации вынужденной миграции и у контрольной группы; 2) сравнить восприятие мира в прошлом, настоящем и будущем у матерей детей с РАС, находящихся в ситуации вынужденной миграции, с контрольной группой по двум параметрам – его валентности (привлекательности) и сложности.

Проверялись следующие гипотезы:

1. Уровень психологического благополучия ниже у матерей детей с РАС, оказавшихся в ситуации вынужденной миграции по сравнению с теми, чья жизненная ситуация достаточно стабильна.
2. Ресурсы для совладания с негативным эмоциональным состоянием, в том числе, источники социально-психологической поддержки будут отличаться у двух категорий респондентов.
3. Восприятие мира в прошлом, настоящем и будущем будет различным в зависимости от пребывания в ситуации вынужденной миграции или нахождения в более привычной среде.

Методы

Выборка

На основании добровольного информированного согласия в исследовании приняли участие 36 мам детей в возрасте от 2 до 17 лет с расстройствами аутистического спектра (РАС), объединенные в 2 подгруппы. В основную группу вошли мамы детей из Белгородской области, проживающие с детьми в пункте временного размещения (ПВР), находящемся в Московской области (N = 18, средний возраст 39,9, ст. откл. 5,42) (далее – подгруппа ПВР). Средний возраст детей с РАС – 9,44 лет (ст. откл. 4,9), а количество детей в семье от 1 до 4 (у 4 мам – двое, у 2 – трое, у 1 – четверо). На момент проведения исследования мамы проживали с детьми в ПВР от трех до четырех месяцев, находились вдали от мужей и других членов семьи на неопределенный срок. Контакт с членами семьи ограничивался дистанционной коммуникацией и в некоторых случаях редкими визитами членов семьи в ПВР. Для детей в ПВР была организована образовательная программа на протяжении первых десяти недель пребывания в ПВР, после чего из-за наступления летних каникул программа реабилитации ограничивалась развивающими онлайн-занятиями для детей и рядом культурно-творческих и оздоровительных мероприятий для детей и взрослых. При этом была предоставлена возможность организации дополнительных занятий с детьми онлайн или офлайн в ближайшем к ПВР городе. В контрольную группу вошли мамы детей, находящихся на реабилитации в ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ» (НПЦ ДП) г. Москвы (N = 18, средний возраст 32,9, ст. откл. 6,2) (далее – подгруппа НПЦ ДП). Средний возраст детей с РАС – 7,06 лет (ст. откл. 4,53), а количество детей в семье от 1 до 4 (у 8 мам – двое, у 3 – трое, у 1 – четверо детей). Мамы сопровождали своих детей в ходе плановой госпитализации длительностью две недели, включающей реабилитационные процедуры для ребенка.

Методики

Шкала депрессии, тревожности и стресса (Depression Anxiety Stress Scales, DASS-21): сокращённая версия (Lovibond & Lovibond, 1995). Посредством данной шкалы измеряются негативные эмоциональные состояния (депрессия, тревожность и стресс). Применяемая краткая версия методики включает 21 пункт: по 7 пунктов на каждую субшкалу.

Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки (Multidimensional Scale of Perceived Social Support, MSPSS) (Zimet et al., 1988). Методика используется для оценки восприятия значимости трех источников поддержки – значимых других, семьи и друзей, а также позволяет оценить общий уровень воспринимаемой социально-психологической поддержки.

Частота обращения за помощью к различным категориям людей из социального окружения респондентов в случае возникновения эмоциональных проблем (Ушков и др., 2020). В перечень включены категории, относящиеся к источникам первичной поддержки (родители, близкие родственники, супруги), и группы, относящиеся к источникам вторичной поддержки (коллеги, врачи, психологи и др.). Ответы варьировались по 4-балльной шкале от 1 (никогда) до 4 (постоянно).

Модифицированная методика «Семантический дифференциал» (Молчанов, Алмазова, Поскрёбышева, 2023). Респондентам предлагалось охарактеризовать «мир» в разные периоды их жизни: в настоящее время, пять лет назад и через пять лет, используя десять пар прилагательных с противоположным значением (биполярный семантический дифференциал): непредсказуемый – устойчивый, несправедливый – справедливый, ненадежный – надежный, хаотичный – управляемый, враждебный – доброжелательный, разобщенный – целостный, тревожный – спокойный, бесполезный – ценный, пассивный – активный, сложный – простой. При обработке результатов девять пар прилагательных, за исключением пары «сложный – простой», были объединены в одну интегральную шкалу (альфа Кронбаха >0,8), оценивающую валентность мира.

Специально разработанная *Шкала конструктивных и деструктивных способов совладания* включает 14 пунктов, оцениваемых по 5-балльной шкале (от «никогда не помогает» до «помогает всегда»), отражающих поведение, направленное на адаптацию к условиям жизни и помогающее отвлечься от негативных эмоций.

Для оценивания удовлетворенности жизнью респондентам была предложена *однопунктовая 11-балльная шкала* и предлагалось ответить на вопрос «В какой степени Вы удовлетворены в целом Вашей жизнью, принимая во внимание условия жизни и личные обстоятельства?» (0 – абсолютно не удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен).

Блок социо-демографических данных включал следующую информацию: возраст, пол, образование, род занятий, профессия, количество детей и их возраст, семейное положение.

Анализ данных

Данные исследования анализировались в программе Jamovi (версия 2.3.21). Использовались критерий Уилкоксона для сравнения полученных данных с результатами других исследований, критерий Манна-Уитни для парных сравнений между подгруппами (в качестве размера эффекта вычислялся коэффициент ранговой би-сериальной корреляции, обозначаемый далее буквой «R»), двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями для обработки результатов семантического дифференциала, а также вычислялся коэффициент корреляции Спирмена (обозначается R_s) исследуемых параметров с социо-демографическими данными.

Результаты

Респонденты из основной группы продемонстрировали меньшую удовлетворенность жизнью, чем представители контрольной группы, тогда как по параметрам депрессии, тревожности и стресса различий между группами не обнаружено (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики и результаты сравнения по параметрам психологического благополучия

Параметр	Основная группа	Контрольная группа	Значения критерия Манна-Уитни
Депрессия	11,412 ± 11,040	11,667 ± 9,994	U = 147,5, p = 0,868
Тревожность	7,178 ± 9,436	6,778 ± 7,519	U = 144,5, p = 0,786
Стресс	17,176 ± 10,150	15,667 ± 11,024	U = 136,0, p = 0,585
Удовлетворенность жизнью	6,056 ± 1,765	7,778 ± 1,555	U = 63,5, p = 0,002, R = 0,608

Примечание. В ячейках отдельных групп приведены средние и стандартные отклонения.

Сравнение показало, что участники исследования из основной группы воспринимают значимо меньшую поддержку от друзей и значимо меньшую поддержку от всех источников в целом по сравнению с мамами детей с РАС из контрольной группы (табл. 2). При этом, проведенное сравнение не выявило значимых различий между уровнем воспринимаемой поддержки от значимых других ($U = 105,0$, $p = 0,111$) и поддержки со стороны семьи ($U = 126,0$, $p = 0,377$) в исследуемых группах.

Таблица 2

Описательные статистики и результаты сравнения по источникам воспринимаемой социально-психологической поддержки

Параметр	Основная группа	Контрольная группа	Значения критерия Манна-Уитни
Значимые другие	$5,382 \pm 1,644$	$6,236 \pm 1,100$	$U = 105,0$, $p = 0,111$
Члены семьи	$5,882 \pm 1,031$	$6,250 \pm 0,647$	$U = 126,0$, $p = 0,377$
Друзья	$4,529 \pm 1,548$	$6,042 \pm 1,033$	$U = 67,5$, $p = 0,005$, $R = 0,559$
Общий уровень поддержки	$3,949 \pm 0,650$	$4,632 \pm 0,601$	$U = 63,5$, $p = 0,003$, $R = 0,585$

Примечание. В ячейках отдельных групп приведены средние и стандартные отклонения.

В том, что касается восприятия эффективности разных способов совладания, выявлено, что респондентам основной группы реже помогает справиться с негативными эмоциями просмотр информации в Интернете или курение: если респондентам из контрольной группы оно изредка помогает, то респондентам из основной группы оно не помогает улучшить эмоциональное состояние вовсе (табл. 3).

Таблица 3

Отличающиеся между группами респондентов способы совладания и источники поддержки (приводятся только параметры с выявленными значимыми различиями)

Параметр	Основная группа	Контрольная группа	Значения критерия Манна-Уитни
Просмотр информации в Интернете	3,000	4,000	U = 74,5, p = 0,005, R = 0,540
Курение	1,000	3,000	U = 70,5, p = 0,004, R = 0,510
Супруги/партнеры	3,000	4,000	U = 86,0, p = 0,009, R = 0,469
Друзья	2,000	3,000	U = 70,0, p = 0,002, R = 0,568
Врачи	2,000	1,000	U = 67,0, p = 0,001, R = 0,586
Психологи	2,000	1,000	U = 73,5, p = 0,002, R = 0,546
Случайные знакомые	2,000	1,000	U = 67,5, p < 0,001, R = 0,583

Примечание. В качестве меры центральной тенденции для групп приведены медианы, т.к. показатели измерены в порядковых шкалах.

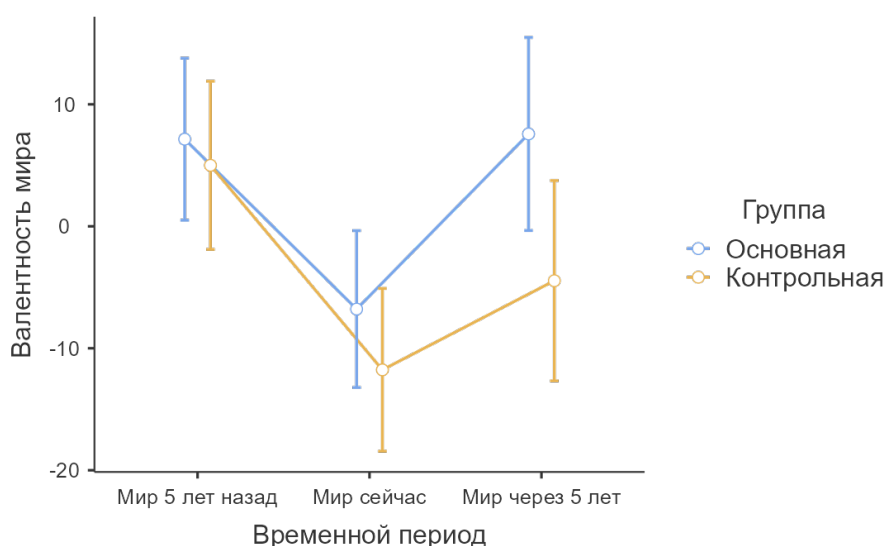
Незначимыми оказались различия по таким способам совладания как общение с членами семьи (U = 129,5, p = 0,257), общение с друзьями (U = 142,5, p = 0,516), чтение книг и журналов (U = 117,0, p = 0,143), домашние животные (132,5, p = 0,941), погружение в работу или учебу (U = 136,0, p = 0,408), употребление алкоголя (U = 100,0, p = 0,108), еда (U = 161,5, p = 1), занятия спортом (U = 153,5, p = 0,795), прогулки (U = 152,0, p = 0,986), просмотр фильмов и сериалов (139,0, p = 0,447), музыка (U = 115,0, p = 0,126), сон (U = 144,0, p = 0,553).

Относительно значимости частоты обращения за помощью к различным категориям из социального окружения обнаружено, что респонденты контрольной группы чаще готовы обращаться за помощью к супругам/партнерам и к друзьям, тогда как респонденты из группы вынужденных мигрантов чаще готовы обратиться за помощью к врачам, психологам и случайным знакомым (табл. 3). Хотя эти категории менее значимы для всех респондентов по сравнению с частотой обращения за поддержкой к супругам/партнерам и друзьям, женщины из контрольной группы совсем не рассматривают их как источник поддержки. Различий между двумя подгруппами в частоте обращения за помощью к родителям ($U = 117,5$, $p = 0,137$), близким родственникам ($U = 137,0$, $p = 0,416$), коллегам ($U = 125,0$, $p = 0,285$), социальным работникам ($U = 116,0$, $p = 0,123$) и священнослужителям ($U = 150,5$, $p = 0,665$) не обнаружено.

Анализ результатов семантического дифференциала, а именно интегральной шкалы валентности мира (рис. 1), указал на наличие эффекта только для внутригруппового фактора временного периода ($F(2, 50) = 15,488$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,383$), тогда как эффект фактора подгруппы респондентов ($F(2,50) = 1,614$, $p = 0,209$) и эффект взаимодействия факторов ($F(1,25) = 3,028$, $p = 0,094$) оказались незначимыми. Респонденты из обеих подгрупп более позитивно оценивают мир 5 лет назад и мир через 5 лет по сравнению с оцениванием мира в настоящее время.

Рисунок 1

Валентность мира в разные временные периоды в двух подгруппах

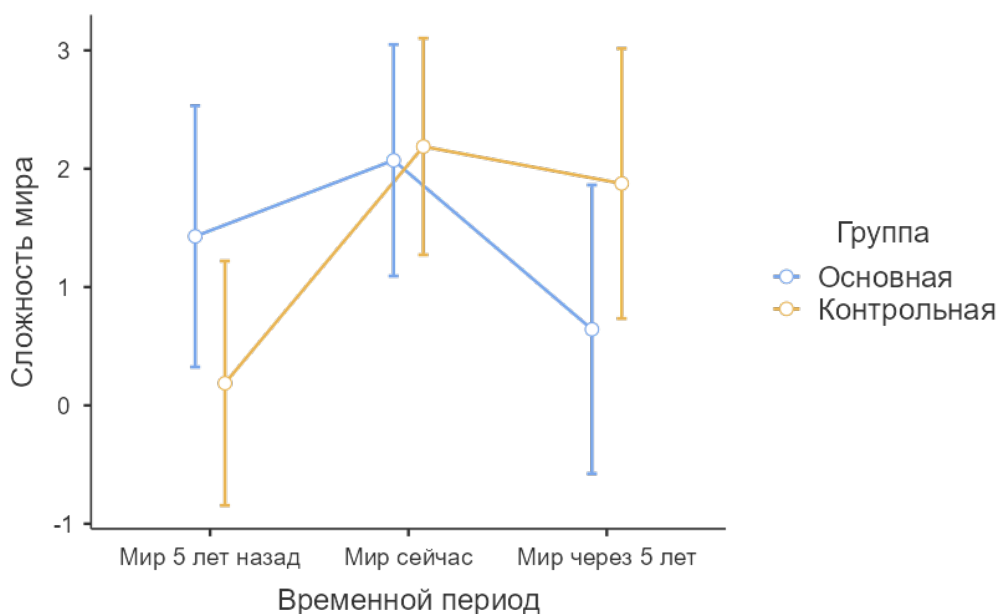

Примечание: чем выше значения по оси ординат, тем позитивнее респонденты оценивают мир; на графике указаны диапазоны 95-% доверительного интервала.

В отличие от результатов по интегральной шкале валентности мира анализ результатов по шкале сложности мира (рис. 2) позволил обнаружить эффекты фактора временного периода ($F(2,56) = 5,837$, $p = 0,005$, $\eta^2 = 0,173$) и взаимодействия факторов временного периода с фактором подгруппы респондентов ($F(2,56) = 4,961$, $p = 0,010$, $\eta^2 = 0,151$). Отдельный эффект фактора подгруппы оказался незначим ($F(1,28) = 0,004$, $p = 0,952$). Обнаружено, что обе подгруппы воспринимают мир в настоящее время как наиболее сложный, но при этом вынужденные мигранты оценивают сложность мира 5 лет назад сопоставимо с восприятием мира в настоящее время и полагают, что через 5 лет мир будет значительно проще. Тогда как респонденты контрольной группы, напротив, сравнительно более простым воспринимают мир 5 лет назад и ожидают, что через 5 лет мир для них будет таким же сложным, как и в настоящем.

Рисунок 2

Сложность мира в разные временные периоды в двух подгруппах

Примечание: чем выше значения по оси ординат, тем более сложным респонденты воспринимают мир; на графике указаны диапазоны 95-% доверительного интервала.

Анализ результатов также позволил выявить связи между рядом социодемографических характеристик респондентов выборки в целом и исследуемыми параметрами. Так, с возрастом снижается уровень воспринимаемой поддержки от значимых других ($R_s = -0,545$, $p < 0,001$), от друзей ($R_s = -0,372$, $p = 0,028$) и соответственно интегральный уровень воспринимаемой поддержки ($R_s = -0,543$,

$p < 0,001$), в то время как связи возраста с уровнем воспринимаемой поддержки от семьи не обнаружено ($p = 0,503$). Также с возрастом респонденты склонны более позитивно оценивать мир в будущем ($R_s = 0,419$, $p = 0,026$), но возраст не связан с оценками валентности мира в настоящее время ($p = 0,054$) и в прошлом ($p = 0,446$). Связь возраста со сложностью мира не обнаружена ни для восприятия в прошлом ($p = 0,102$), ни в настоящем ($p = 0,352$), ни в будущем ($p = 0,058$). Количество детей в семье респондентов оказалось обратно связано с уровнем стресса у матерей ($R_s = -0,349$, $p = 0,041$) и прямо – с восприятием сложности мира 5 лет назад ($R_s = 0,414$, $p = 0,026$). Что касается уровня образования респондентов, не выявлено каких-либо значимых его связей с исследуемыми переменными (во всех случаях $p > 0,1$).

Обсуждение результатов

Ситуация вынужденной миграции, в случае, когда основной причиной является угроза жизни и здоровью в связи с ведущимися военными действиями, может причинить тяжелый и долгосрочный ущерб психическому здоровью и психологическому благополучию любого человека (AlRefaie & Dowrick, 2021; Girardi, Modesti & Del Casale, 2023). Родители детей с РАС и без этого дополнительного фактора находятся в группе риска в связи с высоким уровнем стресса и выраженностью симптомов депрессии (Нестерова, Ковалевская, 2015; Russell et al., 2020; Efstratopoulou et al., 2022; Zovko, Šimleša & Olujić Tomazin, 2024; Pisula & Porebowicz-Dörsmann, 2017), что подтвердилось результатами нашего исследования. Несмотря на то, что сопоставление результатов, полученных в основной и контрольной выборках, не позволило выявить различий между ними по субшкалам методики DASS-21, сравнение полученных показателей с результатами проведенных в разных популяциях исследований посредством данной шкалы, представленными в исчерпывающем обзоре Золотаревой (2020), выявило значимо более высокие показатели депрессии и стресса у респондентов нашего исследования в целом, тогда как выявленный уровень тревожности значимо не отличается от результатов других исследований (см. Приложение 1).

Выявленные различия между подгруппами, обусловленные предположительно ситуацией вынужденной миграции и связанными с ней последствиями (длительное проживание вдали от дома в пункте временного размещения, изоляция от членов семьи и ближайшего окружения, неопределенность ближайшего будущего) проявились в уровне общей удовлетворенности жизнью, опоре на различные ресурсы и особенностях временной перспективы. Таким образом, закономерно, что женщины, проживающие в ПВР с детьми с РАС, демонстрируют значимо меньшую общую удовлетворенность жизнью по сравнению с теми, чья жизненная ситуация относительно стабильна, ощущают недостаток поддержки и чувствуют себя более изолированными от ближайшего социального окружения. Для женщин

из контрольной группы, находящихся с детьми в стационаре непродолжительное время, поддержка супругов (партнеров) и друзей остается особенно релевантной в связи с ее доступностью и регулярностью. При наличии поддержки со стороны ближайшего окружения обращение за помощью к другим категориям (врачи, психологи) и расширение круга социального взаимодействия не является необходимым ресурсом.

Большая готовность женщин из группы вынужденных мигрантов обращаться за помощью к расширенному окружению, включая не только врачей и психологов, но и случайных знакомых, выявленная при анализе результатов, была отмечена и посредством личного наблюдения АМ во время проведения исследования. Проживающие в ПВР мамы детей с РАС активно обращаются за консультацией к специалистам с интересующими их запросами. Такое проактивное расширение социальных сетей и принятие поддержки и помощи от более широкого окружения (так называемой «вторичной группы») в случае длительной изоляции от ближайшего окружения («первичной группы») выступает важнейшим ресурсом, обеспечивающим стабильный уровень стресса, тревожности и депрессии в ситуации вынужденной миграции у женщин с детьми-аутистами. Несмотря на то, что по сравнению с результатами других популяционных исследований уровни депрессии и стресса значимо выше у группы вынужденных мигрантов, они не отличаются от тех же показателей у матерей детей с РАС из контрольной группы, чья жизненная ситуация достаточно стабильна, что позволяет предположить, что такие высокие показатели обусловлены переживаемыми трудностями, связанными со специальными потребностями ребенка с РАС, а не ситуацией вынужденной миграции. В исследованиях влияния различных источников поддержки на психологическое благополучие показано, что в разных жизненных ситуациях критически значимой может оказаться поддержка от разных источников: в одних, от «первичной группы» (семья, друзья, близкие родственники), а в других, от «вторичной группы» (коллеги, соседи, знакомые, учителя и др.) (Ушков и др., 2020; Pierce & Quiroz, 2019; Thoits, 2011). Так, в исследовании Ушкова с соавторами (2020) с участием несовершеннолетних правонарушителей, также находящихся в длительной изоляции от семьи и ближайшего окружения, выявлена значимая прямая связь между обращением за помощью к категориям, относящимся к «вторичной группе» поддержки (психологам и учителям), и лучшим эмоциональным состоянием.

В том, что касается способов совладания с негативным эмоциональным состоянием, несмотря на то, что для подавляющего большинства из оцениваемых видов активности, помогающих в сложной жизненной ситуации, не выявлено значимых различий, что, в том числе, может объясняться особенностями методики с недостаточно дифференцированной шкалой выбора ответов и малым объемом выборки, обнаруженные различия между группами касаются, тем не менее, копингов, которые скорее относятся к деструктивным – к просмотру информации в Интернете и курению. К этим способам совладания значимо реже прибегают

женщины, проживающие в ПВР. Меньшая зависимость от деструктивных копингов может стать для этой категории дополнительным ресурсом, позволяющим лучше справиться с негативным эмоциональным состоянием, что, в свою очередь, может положительно сказаться на состоянии детей.

Особенности временной перспективы оказывают глубокое и пролонгированное влияние на поведение, здоровье и счастье человека (Daugherty & Brase, 2010; Drake et al., 2008), в связи с чем высока актуальность исследования восприятия мира в разные периоды жизни у категорий, чье психологическое благополучие поставлено под угрозу наличием хронических стрессогенных факторов. Анализ восприятия валентности и сложности мира во временной перспективе обеими подгруппами выявил общую для всех участников исследования тенденцию. Респонденты обеих подгрупп наиболее негативно воспринимают мир в настоящем, демонстрируя более позитивное отношение к нему в прошлом (5 лет назад) и будущем (через 5 лет). Более позитивное восприятие прошлого по сравнению с настоящим может определяться как глобальными факторами, связанными с более спокойной геополитической обстановкой, так и, в случае нашей выборки, индивидуальной жизненной ситуацией, например, тем, что ребенок-аутист был 5 лет назад намного младше, и диагноз, возможно, еще не был поставлен, а отношения в семье и с другим близким окружением могли быть на тот момент более прочными и регулярными. Выявленное более позитивное отношение к будущему по сравнению с настоящим может выступать для матерей детей с РАС важнейшим ресурсом, который позволит справляться с трудностями воспитания и удовлетворения потребностей ребенка, требующего существенно большей заботы и присутствия матери в его жизни, чем нейротипичные дети. В исследованиях обнаружено, в частности, что позитивный взгляд на будущее ассоциируется с лучшей способностью к саморегуляции и реализации планов (Baird et al., 2021). Более того, фиксация на позитивном прошлом и позитивном будущем в противовес относительно негативного восприятия настоящего становится важной опорой для саморегуляции в самых разных жизненных ситуациях, как это показано, например, в исследовании с участием больных диабетом, которые в случае более позитивного восприятия прошлого и будущего по сравнению с настоящим склонны регулярнее отслеживать уровень глюкозы в крови и нести, таким образом, большую ответственность за свое здоровье (Baird et al., 2021). Курт Левин в своей классической работе, посвященной временной перспективе, указывает на существующие в истории примеры, когда позитивное восприятие будущего «маленькой группы людей с большим моральным духом» не только помогало им пережить тяжелое настоящее, но и становилось примером для широких масс людей (Lewin, 1997, с. 81).

В том, что касается оценивания мира по второй шкале (простота-сложность мира в прошлом, настоящем и будущем), наблюдается несколько иная тенденция. Объединяет две подгруппы респондентов то, что они обе оценивают мир в настоящем как сложный, однако подгруппой вынужденных мигрантов мир в будущем

воспринимается более простым, тогда как респондентам из контрольной группы мир представляется таким же сложным, как и в настоящем. Подобное расхождение может объясняться различием в атрибуции причин такой сложности. Вероятно, для мам, проживающих с детьми в ПВР, ключевым фактором, осложняющим восприятие настоящего, является ситуация вынужденной миграции, а не особенности психического развития ребенка. Надежда на то, что через 5 лет ситуация изменится и условия жизни будут более стабильными, позволяет им рассчитывать на то, что мир в будущем станет для них проще. В то время как для мам из контрольной группы основной причиной восприятия сложности мира вероятнее всего является состояние их ребенка. И поскольку они в среднем не ожидают радикального изменения этого состояния, а, точнее, улучшения условий для ухода за ребенком и его развития, то и мир в будущем воспринимается таким же сложным, как в настоящем. Интересен на первый взгляд парадоксальный факт, что отличия между двумя группами есть в восприятии сложности мира в прошлом. Так, для группы вынужденных мигрантов мир в прошлом воспринимается примерно таким же сложным, как в настоящем, тогда как женщинам из контрольной группы мир в прошлом представляется более простым. Одним из объяснений может быть то, что дети мам из контрольной группы в среднем младше (7,06 лет), чем дети из семей вынужденных мигрантов (9,44 лет). Хотя различия незначимы ($U = 95,0$, $p = 0,143$), это может быть связано с тем, что в силу небольшого объема выборки для значимых различий может не хватать мощности. Если такое объяснение верно, то респонденты из контрольной группы 5 лет назад могли еще не столкнуться с теми трудностями воспитания ребенка с РАС, с которыми им приходится жить в настоящем, и с которыми на тот момент уже могли столкнуться мамы из выборки вынужденных мигрантов, чьи дети в среднем старше. Различия могут объясняться также особенностями семейной ситуации (наличие супруга, старших детей, поддержка со стороны близких членов семьи 5 лет назад), однако для подтверждения такого объяснения имеющихся данных недостаточно.

Связь различных аспектов психологического благополучия матерей детей с РАС с социо-демографическими характеристиками проверялась для всей выборки в целом. Анализ связей позволил получить два значимых результата, которые заслуживают верификации на выборках большего объема: 1) показатель стресса обратно связан с количеством детей в семье и 2) восприятие социально-психологической поддержки в целом, а особенно от значимых других и друзей обратно связано с возрастом. Обнаруженная защитная роль количества детей в семье в регулировании уровня стресса у матери может иметь различные объяснения, наиболее вероятным из которых является то, что наличие других детей, не имеющих отклонений в психическом развитии, имеющих успехи в учебе и других видах деятельности, позволяет отвлечься от забот о ребенке с РАС, имеющем специфические потребности и требующем особого внимания, и возможно, надеяться на то, что, когда потребуется, другие дети смогут разделить с ними тяжесть пожизненного ухода за ребенком с аутизмом. В других исследованиях также подчеркивается

наличие в семье здорового ребенка в качестве мощного поддерживающего ресурса для психологического благополучия матери (Дорошева, Грабельникова, 2018).

Обнаруженное в нашем исследовании снижение уровня воспринимаемой поддержки с возрастом от более широкого социального окружения, выходящего за рамки семьи, соотносится с результатами других исследований. Ограничение круга общения характерно для родителей детей с РАС на протяжении всей жизни (Dembo, 2022) и связано с особым ритмом жизни, зависящим от специфических потребностей их детей, но с возрастом их социальное окружение сужается еще заметнее по сравнению с другими родителями, а риск изоляции повышается (Marsack & Perry, 2018; Seltzer et al., 2011). Положительным моментом является выявленная в нашем исследовании прямая связь между возрастом матери и позитивным восприятием будущего, что может свидетельствовать о возрастающем оптимизме в связи с опытом, приобретением компетентности в воспитании ребенка с аутизмом, умения справляться с кризисами и тяжелыми жизненными периодами, либо о принятии своей особой ситуации такой, какая она есть. Возможно, данная связь является отражением выявленного в ряде исследований феномена так называемого посттравматического роста, характерного для родителей детей с РАС (Tsioka et al., 2022) – позитивных изменений в психологическом состоянии родителей с течением времени благодаря определенным стратегиям совладания и другим задействованным ресурсам.

Таким образом, каждая из трех гипотез подтвердилась: были обнаружены различия между основной и контрольной подгруппами по ряду показателей психологического благополучия, различия в уровне воспринимаемой поддержки и готовности обратиться за помощью к различным категориям из социального окружения, а также в восприятии валентности и сложности мира в различные периоды времени.

Ограничения исследования

Завершая обсуждение результатов, следует признать ряд ограничений проведенного исследования. В первую очередь, речь идет об небольшом объеме выборки, что объясняется высокой специфичностью респондентов, в особенности, представителей компактно проживающих вынужденных мигрантов, имеющих детей-аутистов. В связи с этим, отсутствие ряда эффектов может быть обусловлено не реальным отсутствием различий между подгруппами или связей между исследуемыми переменными, а недостаточной мощностью исследования. Поэтому при обсуждении результатов внимание уделялось, главным образом, обнаруженным эффектам и различиям между подгруппами, и в меньшей степени отсутствию различий. Важно подчеркнуть, что большинство исследований, проведенных с участием родителей детей с РАС, осуществляется на выборках небольшого объема, за исключением телефонных и онлайн-опросов, чья ценность неизбежно снижается по сравнению с индивидуально проведенными исследованиями, либо долгосрочных исследований,

растягивающихся на несколько лет. В нашем случае, с целью исключения влияния стремительно меняющегося социального и геополитического контекста на психологическое благополучие респондентов, исследование проводилось в сжатые сроки, практически одновременно со всеми участниками.

Заключение

Данное исследование позволило внести определенный вклад в понимание специфики психологического благополучия и имеющихся ресурсов у особой категории вынужденных мигрантов – женщин, чьи дети страдают расстройством аутистического спектра, проживающих в пункте временного размещения на протяжении длительного времени и остающихся там на неопределенный срок.

Выявленные даже при небольшом объеме выборки различия между двумя группами респондентов, основной и контрольной, касающиеся различных аспектов психологического благополучия и имеющихся ресурсов, свидетельствуют о необходимости уделять специальное внимание тем категориям вынужденных мигрантов, которые и до того, как покинули постоянное место жительства, находились в группах риска, в том числе, матерям детей с особенностями психического развития. Необходимо проводить дополнительные исследования в этой области, которые позволят разработать целенаправленные и эффективные меры по профилактике психологического благополучия данной категории, в том числе, для родителей детей с расстройством аутистического спектра.

Литература

- Гусева, О. В. (2017). Тестовые и проективные методы психологической диагностики особенностей системы семейных отношений здоровых сиблингов в семьях с детьми с расстройствами аутистического спектра. *Психология. Психофизиология*, 10(4), 5–16.
- Дорошева, Е. А., Грабельникова, У. С. (2018). Синдром эмоционального выгорания, особенности совладающего поведения и регуляции эмоций у матерей, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. *Reflexio*, 11(1), 5–18.
- Золотарева, А. А. (2020). Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени ВМ Бехтерева*, (2), 26–37.
- Кузьмина, А. С., Кривошей, К. О. (2024). Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. *Психология и психотехника*, (1), 143–156.
- Молчанов, С. В., Алмазова, О. В., Поскребышева, Н. Н. (2023). Связь образа мира у российской студенческой молодежи с опытом участия в волонтерской деятельности. *Культурно-историческая психология*, 19(1), 71–83. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190110>
- Нестерова, А. А., Ковалевская, Н. А. (2015). Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, (3), 38–46.
- Первушина, О. Н., Киселева, О. В., Мурашова, Т. А., & Дорошева, Е. А. (2021). Эмоциональное

- состояние родителей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). *Вопросы психического здоровья детей и подростков: Научно-практический рецензируемый журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин*, (1), 14.
- Ушков Ф. И., Шайгерова Л. А., Долгих А. Г., Алмазова О. В. (2020). Воспитатели и психологи колоний как значимые другие для несовершеннолетних правонарушителей в период отбывания наказания. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, (3), 88–119.
- AlRefaie, A., & Dowrick, C. (2021). Causes and risk factor of post-traumatic stress disorder in adult asylum seekers and refugees. *Psychiatry International*, 2(4), 410–423. <https://doi.org/10.3390/psychiatryint2040032>
- Baird, H. M., Webb, T. L., Sirois, F. M., & Gibson-Miller, J. (2021). Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework. *Psychological bulletin*, 147(3), 233–267. <https://doi.org/10.1037/bul0000313>
- Chad-Friedman, E., Kuhlthau, K. A., Millstein, R. A., Perez, G. K., Luberto, C. M., Traeger, L., Proszynski, J., & Park, E. (2022). Characteristics and Experiences of Parents of Children with Learning and Attention Disabilities and Autism Spectrum Disorder: A Mixed Methods Study. *The Family Journal*, 30(3), 427–436.
- Crowell, J. A., Keluskar, J., & Gorecki, A. (2019). Parenting behavior and the development of children with autism spectrum disorder. *Comprehensive Psychiatry*, 90(1), 21–29. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2018.11.007>
- Daugherty, J. R., & Brase, G. L. (2010). Taking time to be healthy: Predicting health behaviors with delay discounting and time perspective. *Personality and Individual Differences*, 48, 202–207. <http://doi.org/10.1016/j.paid.2009.10.007>
- Dembo, R. S., Huntington N., Mitra M., Rudolph, A. E., Lachman, M. E., & Mailick, M. R. (2022). Social network typology and health among parents of children with developmental disabilities: Results from a national study of midlife adults. *Social Science & Medicine*, 292, 114623. <http://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114623>
- Dembo, R. S., Mailick, M. R., Rudolph, A. E., Huntington, N., DaWalt, L. S., & Mitra, M. (2023). Social Network Diversity and Mental Health Among Mothers of Individuals With Autism. *American journal on intellectual and developmental disabilities*, 128(2), 101–118. <http://doi.org/10.1352/1944-7558-128.2.101>
- Drake, L., Duncan, E., Sutherland, F., Abernethy, C., & Henry, C. (2008). Time perspective and correlates of wellbeing. *Time & Society*, 17, 47–61. <http://doi.org/10.1177/0961463X07086304>
- Efstratopoulou, M., Sofologi, M., Giannoglou, S., & Bonti, E. (2022). Parental stress and children self-regulation problems in families with children with autism spectrum disorder (ASD). *Journal of Intelligence*, 10(1), 4. <https://doi.org/10.3390/jintelligence10010004>
- Enea, V., & Rusu, D. M. (2020). Raising a child with autism spectrum disorder: A systematic review of the literature investigating parenting stress. *Journal of Mental Health Research in Intellectual Disabilities*, 13(4), 283–321. <https://doi.org/10.1080/19315864.2020.1822962>
- Girardi, P., Modesti, M. N., Del Casale, A. (2023). Migrants and Mental Health: Equal Rights but Different Needs. *Psychiatry International*, 4(1), 45–47. <https://doi.org/10.3390/psychiatryint4010007>
- Hou, Y., Stewart, L., lao, L., & Wu, C. (2018). Parenting stress and depressive symptoms in Taiwanese mothers of young children with autism spectrum disorder: Association with children's behavioural problems. *Mental Handicap Research*, 31(6), 1113–1121. <https://doi.org/10.1111/jar.12471>
- Karst, J. S., & Van Hecke, A. V. (2012). Parent and family impact of autism spectrum disorders: A review and proposed model for intervention evaluation. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 15(3), 247–277. <https://doi.org/10.1007/s10567-012-0119-6>

- Lewin, K. (1997). Resolving social conflicts and field theory in social science. *American Psychological Association*. Time Perspective and Moral (1948), pp. 80–104.
- Lovibond, P. F., & Lovibond, S. H. (1995). The structure of negative emotional states: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour research and therapy*, 33(3), 335–343. [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-U](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-U)
- Ludlow, A., Skelly, C., & Rohleder, P. (2012). Challenges faced by parents of children diagnosed with autism spectrum disorder. *Journal of health psychology*, 17(5), 702–711. <https://doi.org/10.1177/1359105311422955>
- Marsack, C. N., & Perry, T. E. (2018). Aging in place in every community: Social exclusion experiences of parents of adult children with autism spectrum disorder. *Research on aging*, 40(6), 535–557. <https://doi.org/10.1177/0164027517717044>
- Ng, C. S. M., Fang, Y., Wang, Z., & Zhang, M. (2021). Potential Factors of Parenting Stress in Chinese Parents of Children with Autism Spectrum Disorder: A Systematic Review. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*, 36(4), 237–248.
- Ntre, V., Papanikolaou, K., Amanaki, E., Triantafyllou, K., Tzavara, C., & Kolaitis, G. (2022). Coping Strategies in mothers of children with autism spectrum disorder and their relation to maternal stress and depression. *Psychiatrike = Psychiatriki*, 33(3), 210–218. <https://doi.org/10.22365/jpsych.2022.068>
- Padden, C., & James, J. E. (2017). Stress among parents of children with and without autism spectrum disorder: A comparison involving physiological indicators and parent self-reports. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*, 29(4), 567–586. <https://doi.org/10.1007/s10882-017-9547-z>
- Pakenham, K. I., Samios, C., & Sofronoff, K. (2005). Adjustment in mothers of children with Asperger syndrome: An application of the double ABCX model of family adjustment. *Autism*, 9(2), 191–212. <https://doi.org/10.1177/1362361305049033>
- Picardi, A., Gigantesco, A., Tarolla, E., Stoppioni, V., Cerbo, R., Cremonte, M., Alessandri, G., Lega, I., & Nardocci, F. (2018). Parental burden and its correlates in families of children with autism spectrum disorder: A multicentre study with two comparison groups. *Clinical Practice and Epidemiology in Mental Health*, 14, 143–176. <https://doi.org/10.2174/1745017901814010143>
- Pierce, K. D., Quiroz, C. S. (2019) Who matters most? Social support, social strain, and emotions. *Journal of Social and Personal Relationships*, 36(10), 3273–3292.
- Pisula, E., & Porebowicz-Dörsmann, A. (2017). Family functioning, parenting stress and quality of life in mothers and fathers of Polish children with high functioning autism or Asperger syndrome. *PLoS One*, 12(10), 2–12. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0186536>
- Reed, P., Howse, J., Ho, B., & Osborne, L. A. (2017). Relationship between perceived limit-setting abilities, autism spectrum disorder severity, behaviour problems and parenting stress in mothers of children with autism spectrum disorder. *Autism*, 21(8), 952–959.
- Rodriguez, G., Hartley, S. L., & Bolt, D. (2019). Transactional relations between parenting stress and child autism symptoms and behavior problems. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 49(5), 1887–1898. <https://doi.org/10.1007/s10803-018-3845-x>
- Rosenbrock, G. J., Mire, S. S., Kim, H. J., & Aguirre-Munoz, Z. (2021). Exploring sociodemographic predictors of parents' perceptions about their children's autism and their families' adjustment. *Research in Developmental Disabilities*, 108, 103811. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2020.103811>
- Russell, B. S., Hutchison, M., Tambling, R., Tomkunas, A. J., & Horton, A. L. (2020). Initial challenges of caregiving during COVID-19: Caregiver burden, mental health, and the parent-child relationship. *Child Psychiatry and Human Development*, 51(5), 671–682. <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01037-x>
- Samadi, S. A., & McConkey, R. (2014). The impact on Iranian mothers and fathers who have

- children with an autism spectrum disorder. *Journal of Intellectual Disability Research*, 58(3), 243–254. <https://doi.org/10.1111/jir.12005>
- Seltzer, M. M., Floyd, F., Song, J., Greenberg, J., & Hong, J. (2011). Midlife and aging parents of adults with intellectual and developmental disabilities: Impacts of lifelong parenting. *American Journal on Intellectual and Developmental Disabilities*, 116(6), 479–499. <http://doi.org/10.1352/1944-7558-116.6.479>
- Sim, A., Vaz, S., Cordier, R., Joosten, A., Parsons, D., Smith, C., & Falkmer, T. (2018). Factors associated with stress in families of children with autism spectrum disorder. *Developmental Neurorehabilitation*, 21(3), 155–165. <https://doi.org/10.1080/17518423.2017.1326185>
- Soltanifar, A., Akbarzadeh, F., Moharreri, F., Soltanifar, A., Ebrahimi, A., Mokhber, N., Minoocherhr, A., & Ali Naqvi, S. S. (2015). Comparison of parental stress among mothers and fathers of children with autistic spectrum disorder in Iran. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*, 20(1), 93–98.
- Thoits, P. A. (2011). Mechanisms Linking Social Ties and Support to Physical and Mental Health. *Journal of Health and Social Behavior*, 52(2), 145–161.
- Tsioka, E., Zacharia, D., Soulis, S., Mantas, C., Petrikis, P., Koullourou, I., Hyphantis, T., & Kotsis, K. (2022). Posttraumatic growth: The role of perceptions, coping and depressive symptoms among mothers of children with autism spectrum disorder in Greece. *International Journal of Developmental Disabilities*, 1–10. <https://doi.org/10.1080/20473869.2022.2151693>
- Weitlauf, A. S., Vehorn, A. C., Taylor, J. L., & Warren, Z. E. (2014). Relationship satisfaction, parenting stress, and depression in mothers of children with autism. *Autism*, 18(2), 194–198. <http://doi.org/10.1177/1362361312458039>
- Yesilkaya, M., & Magallón-Neri, E. (2024). Parental Stress Related to Caring for a Child With Autism Spectrum Disorder and the Benefit of Mindfulness-Based Interventions for Parental Stress: A Systematic Review. *Sage Open*, 14(2), 21582440241235033.
- Zimet, G. D., Dahlem, N. W., Zimet, S. G., & Farley, G. K. (1988). The multidimensional scale of perceived social support. *Journal of personality assessment*, 52(1), 30–41. http://doi.org/10.1207/s15327752jpa5201_2
- Zovko, M., Šimleša, S., & Olujić Tomazin, M. (2024). Parenting stress, coping strategies and social support for mothers of preschool children with autism spectrum disorder in the Republic of Croatia. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 29(2), 674–686. <http://doi.org/10.1177/13591045231191802>

Поступила в редакцию: 24.05.2024

Поступила после рецензирования: 12.08.2024

Принята к публикации: 12.08.2024

Заявленный вклад авторов

Людмила Анатольевна Шайгерова – постановка проблемы, определение методов и методик исследования, анализ литературы, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Алексей Михайлович Букинич – сбор, обработка и анализ данных, обсуждение результатов, подготовка текста статьи.

Александра Георгиевна Долгих – определение методов и методик исследования, организация сбора данных, сбор данных, обсуждение результатов.

Татьяна Тимофеевна Батышева – организация сбора данных, обсуждение результатов.

Информация об авторах

Людмила Анатольевна Шайгерова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: [G-8364-2012](#), Scopus ID: [57190794228](#), РИНЦ Author ID: 476559, SPIN-код РИНЦ: 7075-8196, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5056-550X>; e-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com

Алексей Михайлович Букинич – научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация; младший научный сотрудник ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ», Москва, Москва, Российская Федерация; психолог 1-й категории ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: [U-1106-2018](#), Scopus ID: [57914763600](#), РИНЦ Author ID: 1186801, SPIN-код РИНЦ: [1979-4642](#), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-4717>; e-mail: aleksey.bukinich@mail.ru

Александра Георгиевна Долгих – кандидат психологических наук, заведующий лабораторией ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Российская Федерация, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва, Российская Федерация; Researcher ID: [Q-2667-2019](#), Scopus ID [57208880361](#), РИНЦ Author ID: 1040028, SPIN-код: 8047-6508, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>; e-mail: ag.dolgikh@mail.ru

Татьяна Тимофеевна Батышева – доктор медицинских наук, директор, Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Научно-практический центр детской психоневрологии Департамента здравоохранения города Москвы», Москва, Россия; Scopus ID: [16051959600](#), РИНЦ Author ID: 945308, SPIN-код РИНЦ: 2364-1600, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0928-2131>; e-mail: detb18@mail.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Приложения

Приложение 1

Различия между опубликованными популяционными средними (Золотарева, 2020) и данными настоящего исследования по методике DASS-21

Исследование	Депрессия	Тревожность	Стресс
Alfonsson et al., 2017	W = 473,0, p = 0,010	W = 389,0, p = 0,226	W = 556,0, p < 0,001
Asghari et al., 2008	W = 535,0, p < 0,001	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Bottesi et al., 2015	W = 535,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 556,0, p < 0,001
Coker et al., 2018	W = 473,0, p = 0,010	W = 292,0, p = 0,711	W = 556,0, p < 0,001
Gomez et al., 2014	W = 535,0, p < 0,001	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Henri, Crawford, 2005	W = 560,0, p < 0,001	W = 474,0, p = 0,009	W = 588,0, p < 0,001
Jafari et al., 2017	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Le et al., 2017	W = 504,0, p = 0,002	W = 368,0, p = 0,387	W = 556,0, p < 0,001
Lee et al., 2019	W = 535,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 588,0, p < 0,001
Lu et al., 2018	W = 560,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 602,0, p < 0,001
Musa et al., 2007	W = 504,0, p = 0,002	W = 338,0, p = 0,711	W = 542,0, p < 0,001
Nanthakumar et al., 2017	W = 535,0, p < 0,001	W = 446,0, p = 0,031	W = 571,0, p < 0,001
Notron, 2007	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 556,0, p < 0,001
Osman et al., 2012	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Pezirkianidis et al., 2018	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 542,0, p < 0,001
Szabó, 2010	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Tully et al., 2009	W = 504,0, p = 0,002	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001
Vasconelos-Raposo et al., 2013	W = 535,0, p < 0,001	W = 389,0, p = 0,226	W = 571,0, p < 0,001

Примечание. Значимые различия выделены полужирным шрифтом. Ожидаемый для отвержения нулевой гипотезы об отсутствии различий уровень значимости скорректирован методом деления на количество сравнений (0,05/18 = 0,0028).